

В. Е. ВИТКОВСКИЙ

ГРЕКОЯЗЫЧНЫЕ БИБЛЕЙСКИЕ ТЕКСТЫ В КОММУНИКАТИВНОМ АСПЕКТЕ

Рецензия на книгу: А.В. Вдовиченко. Казус «языка» Септуагинты и Нового Завета: лингвистический метод «за» и «против» авторов. М.: Изд-во ПСТГУ, 2016. 288 с., в которой статус библейских текстов переосмыслен в контексте аутентичных лингвистических практик грекоговорящей иудейской диаспоры времени эллинизма.

Ключевые слова: библейские тексты, философия языка, коммуникативная модель описания, греко-говорящая иудейская диаспора, лингвистические практики

Стержневой темой монографии является противопоставление двух способов понимать и объяснять текст – дискурсивного (коммуникативного, функционального) и традиционного языкового. В названии («Казус «языка» Септуагинты и Нового Завета») обозначены достаточно широкие, и все же достаточно определенные границы материала, который служит для автора одновременно целью и средством: с одной стороны, библейский текст рассматривается как лингвистический «полигон» для применения различных теоретических инструментов, с другой, статус языка библейского текста в его обновленной трактовке становится для автора главной целью и результатом всех его рассуждений.

«Казус языка» состоит в возможности использовать менее оправданные и более оправданные методологические инструменты, которые приносят, как показывает автор, совершенно разные плоды. Первый набор инструментов характерен для такой модели вербального процесса, в которой главное место отводится системному языку. Языковое видение любого текста (устного или письменного), согласно автору книги, заставляет исследователей искать в библейском тексте исполнения заранее известных правил (существовавшего к тому времени языка), и неизбежно ведет к признанию «ненормализованности» корпуса Нового Завета и Септуагинты. А.В. Вдовиченко предлагает несколько изменить видение вербального факта, признать грамматический шаблон, налагаемый на материал, искусственной вспомогательной схемой, которая не может подменять аутентичную коммуникативную практику.

Практика первична по отношению к любому вторичному способу ее описания, в т.ч. к грамматическому. Ее участники доподлинно знали способы осуществления коммуникативных действий в непосредственно наблюдаемых ими условиях (адресат, культурно-исторический фон, принятые способы взаимодействия в данных сегментах коммуникации, литературная традиция и пр.). Эти данные, необходимые для понимания предлагаемого автором статуса новозаветного текста, охватываются понятием *грекоязычной иудейской диаспоры*, представлявшей собой

территорию конвенции для авторов и читателей (слушателей), в рамках которой действовали свои принятые правила, в т.ч. способы создания пророческих текстов. Практику создания таких текстов в иудейской диаспоре А.В. Вдовиченко сравнивает с современными текстами, написанными на церковнославянском языке для православной литургии. В обоих случаях имеет место традиционный источник языковых клише (Септуагинта, Славянская Библия) и сообщество коммуникантов, для которых такой способ создания новых текстов представляется нормализованным и, более того, единственно возможным.

Монография непосредственным образом затрагивает две области филологического знания – общую теорию языка и библейскую филологию. В каждой из них автор констатирует наличие внутренних конфликтов («теоретических диссонансов», или «сущностных противоречий»). Попытки разрешить их придают исследованию риторический тонус и нарративную динамику. Отправной точкой автор избирает современные представления о языковой специфике грекоязычных библейских текстов, в которых он видит «конгломерат взаимоисключающих признаков», приписываемых языку этих источников: их тексты считаются аутентичными греческими, но изобилуют семитизмами; написаны на нелитературном языке, однако образуют в совокупности огромный литературный корпус; созданы на общем греческом языке (койнэ), но с характерными особенностями, не присутствующими ни в одном из текстов за пределами данного корпуса.

Автор проводит детальный разбор всех концепций языка этих источников и показывает, что, отталкиваясь от двух основных положений (1) тексты написаны на нелитературном греческом языке, 2) в них присутствуют следы иной (нелитературной греческой) стихии языка), исследователи пытаются определить источник инородных явлений, но, в конце концов, вынуждены признать, что язык Нового Завета и Септуагинты представляет собой некую греческую норму с включенными в нее нарушениями, что, в свою очередь, ведет к заключению о плохом (недостаточном) знании языка авторами/переводчиками грекоязычных библейских текстов. В результате авторы/переводчики оказываются малограмотными людьми, далекими от литературы и образования.

Признание авторов «писателями, не знающими языка, на котором они пишут», кажется А.В. Вдовиченко довольно странным и не реалистичным. Кроме того, он констатирует кардинальные отличия результатов историко-культурной интерпретации статуса грекоязычных библейских текстов, с одной стороны, и результатов лингвистической интерпретации, с другой: если в первом случае исследователь признает укорененность авторов в иудейской традиции, широту их богословских горизонтов, наличие у них писательских навыков, то лингвистическая интерпретация однозначно утверждает ненормализованность (малограмотность, просторечность, внелитературность, интерференцион-

ность, семитизированность и пр.) их текстов. Для исследования причин этих неясностей автор обращается к методологии описания языкового материала и намечает общие контуры альтернативной (дискурсивной) модели описания вербальных фактов, выборочно включая в ее состав методы и принципы функциональной, коммуникативной, когнитивной лингвистики, а также психолингвистики и социолингвистики.

Предметная парадигма, согласно А.В. Вдовиченко, характеризует-ся принудительным соположением тела знака (слова, звука, предложения) с его содержательной стороной. Лингвистическая теория наследует этот исследовательский императив от спонтанных способов концептуализации языкового материала, проявленных уже в античности (платоновский «Кратил») и дошедших до современности в виде структурализма и иных точных способов анализа вербальных данных. В основе метода – очевидное единообразие («тождество») тела знака, а также его известность и доступность (в такой тождественно воспринимаемой форме) некоторому сообществу говорящих, носителей языка.

Автор книги возлагает ответственность за противоречивость понятий о статусе грекоязычного библейского текста (как просторечном, ненормализованном, малолитературном) на господствующую в библейской филологии методологию описания и связывает некорректные, с его точки зрения, суждения, с языковой (структурной) парадигмой описания вербальных данных. Предметный подход, требующий структурно ориентированного анализа данных, не находя стойких подтверждений существования словесной системы и прямой связи с описанными языковыми системами, вовлеченными в ситуацию, создает странную картину писательской и переводческой деятельности авторов текстов. Согласно предметной модели, они не знают языка, на котором пишут; читатели/слушатели не могут распознать в них «своих», т.е. тех, кто говорил бы с ними на знакомом им правильном языке; исследователи грекоязычных библейских текстов оказываются гораздо более осведомленными в том, как нужно было писать и какими языковыми клише пользоваться, при этом, как подчеркивается в работе, строгое требование «чистого языка» исследователи адресуют самим аутентичным участникам лингвокультурной ситуации. За незнание известного исследователя языка их считают «далекими от литературы простецами».

Дискурсивная парадигма, ныне вполне успешно конкурирующая с предметной и дополняя ее (а иногда прямо отрицающая), предполагает, по мнению А.В. Вдовиченко, иное отношение к знаку и знаковости: знаковые системы создаются (признаются актуальными, выделяются) участниками коммуникации; отдельные знаки не могут обладать заранее заданными, закрепленными за ними тождественно мыслимыми значениями. Для автора очевидно, что один и тот же формальный элемент означает разное в мыслимых условиях различных коммуникативных действий, в которые его вовлекает коммуникант. Параметры данно-

го коммуникативного действия назначаются (выделяются) говорящим и затем воссоздаются интерпретантом. Совокупно эти параметры составляют дискурс, или мыслимую ситуацию коммуникации, в каждый из моментов коммуникации. Автор, исповедующий концепцию нетождественности изолированного знака, считает, что тождественное смыслообразование возможно лишь в дискурсивно обусловленной, лично осмысленной, акциональной позиции вербального элемента. Естественный языковой знак существует только в динамике коммуникативного действия (в дискурсе) и не терпит искусственного изыятия из данных коммуникативно-синтаксических условий функционирования. Такое отношение к вербальным элементам, считает Вдовиченко, соответствует реальности естественного коммуникативного процесса и открывает путь к более правдоподобию объяснению естественных коммуникативных действий (устных или письменных). В конечном счете, ценностью является свобода личного коммуникативного действия от детерминирования вербальной формой, необусловленность мысли словом.

Таким образом, создается теоретический плацдарм для разрешения проблемы лингвистического статуса библейских текстов, чему посвящена четвертая глава монографии, где для объяснения статуса грекоязычных библейских текстов применяется дискурсивная модель. Она требует отказа от идеи самоорганизации вербального материала вне мыслимого коммуникативного действия и переноса фокуса лингвистических исследований, в т.ч. поисков источника нормализации, в когнитивную сферу участника лингвокультурной ситуации.

В результате автор монографии выдвигает несколько положений, которые, с его точки зрения, составляют необходимые условия для того, чтобы признать нормализованную коммуникативную деятельность авторов грекоязычных библейских текстов и снять отмеченные ранее противоречия лингвистического статуса.

Основополагающее значение для концепции автора имеет фактор грекоговорящей иудейской диаспоры, т.е. того аутентичного лингвокультурного сообщества, в котором создавались и к которому были обращены рассматриваемые тексты. Аудиторию писателей, подчеркивает автор монографии, составляли их «единоверцы», представители единой среды, вовлеченные в иудейские культурные и лингвистические практики. В этой среде Септуагинта исполняла роль языкового стандарта для создания пророческих текстов. Авторы, таким образом, вписывали свою литературную деятельность в определенную традицию и исполняли ее требования, что продемонстрировано в работе на примере Евангелия от Луки и Деяний апостолов, рассматриваемых на фоне писательской деятельности Иосифа Флавия, который, в отличие от автора новозаветной Дилогии, стремился стать участником иной, аутентично эллинской, а не иудейской литературной традиции. Для автора монографии очевидно, что возможность появления ненормализованных

текстов в сугубо традиционной иудейской и иудеохристианской среде совершенно исключена. Совокупность приводимых им доказательств закономерно приводит к заключению, что деятельность авторов следует рассматривать как особую практику создания традиционных религиозных (профетических) текстов, которые принципиально отличны от текстов иных культурно-религиозных традиций и которые не вовлечены в просторечную или ненормализованную языковую практику.

Таким образом, проблема, возникающая из «предметных» наблюдений над языковыми особенностями рассматриваемых текстов, разрешается с помощью взгляда на них с позиции участника, принадлежащего к аутентичной лингвокультурной среде. Центральное значение в этой ситуации имеет то, что, согласно дискурсивной модели лингвистического описания, вербальные клише нормализуются и приобретают определенное значение (в т.ч. стилистическое) в сознании участников коммуникативных практик. В этом контексте вполне оправдана приводимая автором аналогия между новозаветными текстами и современной практикой создания новых литургических текстов в православной церкви в русскоязычных общинах: в обоих случаях речь идет о традиционном источнике вербальных клише (Септуагинта или церковнославянский текст Библии) и особом сообществе участников данной коммуникативной практики, которые являются главным фактором нормализации этой практики, несмотря на отличия от современных для них норм языка.

Главное значение монографии, с нашей точки зрения, состоит в привлечении возможностей дискурсивных принципов анализа к конкретной сфере филологических исследований. Для этого автор счел необходимым углубиться в рассуждения о способах описания и осознания объекта лингвистики, а также в подробное исследование применения этих способов и оценку их эффективности на конкретном классическом материале. Ценной представляется попытка провести четкие границы между предметным и дискурсивным отношением к языковым данным, что выразилось в достаточно заметном изменении лингвистического статуса грекоязычных библейских текстов. Кроме того, в работе затрагивается ряд более частных, но важных вопросов эллинистического языкового состояния. В монографии уточняются критерии новозаветного билингвизма, что само по себе расширяет перечень факторов, обыкновенно принимаемых к рассмотрению для объяснения многообразных языковых проявлений эллинизма. «Семитизм», интерпретированные как нормализованные языковые клише, при условии принятия этого положения, уже не могут считаться признаком языковой неполноценности текстов, принадлежащих или близких к изучаемому корпусу. Само явление билингвизма приобретает более нюансированные черты на фоне разнообразия жанров, стилей, регистров и прочих факторов языковой ситуации эллинизма. Затрагивается и вопрос языковой стратификации эллинистического лингвокультурного пространства. Список услов-

но выделяемых страт эллинистического койнэ, с введением нормализованного библейского стиля (в отличие от прежней стихийно-интерференционной трактовки этого феномена), расширяется и лишь подтверждает мысль о следовании образцам как главному источнику для языковых особенностей заново создаваемых текстов. Термин койнэ, как инструмент описания эллинистической языковой ситуации, в настоящее время воспринимается многими исследователями с возрастающим недоверием, поскольку не содержит в себе эффективного объяснения многообразных языковых форм, свойственных этому периоду. Исследование А.В. Вдовиченко подтверждает эти сомнения и выдвигает со своей стороны дискурсивные обоснования этого разнообразия.

Очень важным представляется также подчеркнутое в работе разделение устной и письменной стихии языка, присутствующее в эллинизме в полной мере. Если верно то, что на языке НЗ и Септуагинты никто не говорил и он был искусственным средством создания текстов особого рода, для специфических нужд иудейской, а затем иудеохристианской общины, то параллельную ситуацию можно констатировать и в эллинской литературной традиции, где аттицизм как литературное явление также был искусственным и весьма опосредованно связанным с каким-то разговорным языком. Вероятно, речь идет о параллельных и подобных явлениях в двух традициях – эллинской и иудейской.

Вместе с тем, в качестве дискуссионных моментов хотелось бы высказать сомнение в том, что граница между текстами «профетическими» и «апологетическими» (в монографии принято такое условное разделение иудейской грекоязычной письменности) может быть проведена достаточно определенно. Автор указывает на дискурсивные критерии этого разделения, к которым он относит выбор адресата (сообщество религиозных иудеев или внешний для общины интересующийся эллин и пр.), внутренние фреймовые признаки (обсуждаемые темы, обращения к авторитетам, ценности, базовые знания религиозной, исторической, культурной традиций и пр.), а также формальные признаки (традиционная манера создания текстуальности, источники вербальных клише и способов выражения, подражание Септуагинте или, скажем, Геродоту, и др.). Однако заметим, что реальность конкретных сочинений, скорее, свидетельствует о нечеткой, размытой пограничной области между этими группами. Идею автора можно приветствовать для маркирования полюсов, к которым устремлены апологетический (напр., Евангелия и откровения) или профетический (напр., «Против Апиона» Иосифа Флавия) векторы конкретных писателей. Но эти полюса достигаются ими в полноте не столь часто, обычно же приходится иметь дело с более или менее смешанной, разнородной картиной (Маккавейские книги, Деяния, Послания и др.). В связи с этим хотелось бы видеть более четкую терминологию для характеристики этих направлений, вместо определений «профетическое» и «апологетическое».

Кроме того, нужно указать, что в некоторых случаях приведенные примеры представителей этих направлений весьма спорны. Так, Папия вряд ли возможно «записать» в апологеты (ср. свидетельства о нем и его текстах у Евсевия). Наоборот, Послание (Псевдо-)Варнавы трудно считать пророческим (как не считается таковым в монографии Письмо Аристея, которое используется в Послании), даже с поправкой на условность и векторность принятых категорий.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Вдовиченко А.В. Казус «языка» Септуагинты и Нового Завета: лингвистический метод «за» и «против» авторов. М.: Издательство ПСТГУ, 2016. – 288 с.
Vdovichenko A.V. Kazus «yazyka» Septuaginty i Novogo Zaveta: lingvisticheskiy metod «za» i «protiv» avtorov. M.: Izdatel'stvo PSTGU, 2016. – 288 s.

Витковский Вадим Евгеньевич, кандидат филологических наук, Университет им. Гумбольдтов (Берлин); vadim.wittkowsky@hu-berlin.de

Greek-speaking Bible texts from the communicative viewpoint

Rev.: A.V. Vdovichenko “Case of the Septuagint and NT language. Linguistic method in favor and against the authors” (Moscow, 2016, 288 p.)

Ключевые слова: библейские тексты, философия языка, коммуникативная модель описания, греко-говорящая иудейская диаспора, лингвистические практики

Keywords: Bible texts, philosophy of language, communicative description, Jewish Greek-speaking diaspora, authentic linguistic practices

Vadim Wittkowsky, PhD (Philology), researcher, Humboldt University, Berlin;
vadim.wittkowsky@hu-berlin.de